

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Крупениной М.И.
«Эстетика фантастического в романах воспитания Ч. Диккенса»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература Европы и Америки)

Творчество Ч. Диккенса, которое в силу идеологических ограничений в российской науке долгое время рассматривалось в основном в социальном аспекте, в последние десятилетия исследуется во всем множестве своих форм, и прежде всего в связи с романами модернизма и особенно постмодернизма и в свете эстетики гротескного и фантастического. Диссертационное исследование М.И. Крупениной лежит в русле второго направления и предлагает широкое понимание «фантастического», основанное прежде всего на современных эпохе Диккенса (и несколько более ранних) эстетических спорах о «фантазии» и «воображении». Это делает работу чрезвычайно **актуальной**: эстетика и литературная практика второй половины XVIII века и эпохи романтизма заново осмысливается в современной гуманитарной науке, особенно при построении литературной генеалогии современной массовой культуры. Диссертация М.И. Крупениной предлагает двойное решение этой проблемы: «эстетика фантастического», которую автор исследования считает основной для творчества Диккенса, одновременно и укоренена в знакомой Диккенсу эстетической традиции, и строит мост между литературой «реализма» (на с.5-6 автор приводит впечатляющий перечень определений, прилагаемых учеными к диккенсовскому реалистическому стилю) и романами конца XX и начала XXI века. В этом несомненная **новизна** работы, и это же объясняет ее **теоретическую значимость**: в диссертации М.И. Крупениной, пусть и не на

материале всего творчества писателя, разработана определенная теоретико-аналитическая модель, как открытая литературно-эстетическому «прошлому» (здесь автор во многом опирается на работы Е.В. Халтрин-Халтуриной), так и учитывающая аналогичное «будущее» (не случайно анализ начинается с отсылки к романам Сары Перри и Нила Геймана). Такую модель нетрудно усложнить, расширяя объем материала, чем, хотелось бы надеяться, и займется автор работы в дальнейшем.

Модель эстетики фантастического также остается вполне консистентной: в каждой из глав, посвященных одному из диккенсовских романов, присутствует:

- динамический сюжетный элемент (который автор обычно называет «моментом»), связанный с предчувствием развития событий — ошибочным или нет;
- некий ключевой для текста фантастический образ (буря, портрет, таинственный дом), описательный, но не полностью статический. Он не носит исключительно символический характер и потому сам становится особым сюжетным мотивом;
- и мотив смерти и смертного одра, изначально призванный завершить линию героя в сюжете, но превращающийся в некий символ.

Как видим, в каждом из этих элементов присутствуют многочисленные переходы между «реальным» и «фантастическим» и обратно, что делает предложенную модель менее аморфной. На **практическом уровне** она может оказаться полезной при анализе литературных текстов разных эпох — например, в преподавании литературоведческих курсов в высшей школе и разработке методологий анализа художественного текста.

Структурно работа состоит из введения, трех глав и заключения.

В отсутствие отдельной теоретической главы эту роль берет на себя введение, демонстрирующее степень изученности вопросов о фантастическом у

Диккенса и об авторском стиле как в англоязычной, так и в отечественной науке.

Как говорилось выше, каждая из глав посвящена одному из романов Диккенса - «Дэвиду Копперфильду», «Холодному дому» и «Большим надеждам». Их однотипная структура и название - «Эстетика фантастического в романе...» могли бы вызвать у рецензента досадное чувство, однако я полностью поддерживаю решение автора исследования. Для каждого из романов должна быть показана модель эстетики фантастического в действии, с той степенью взаимопереходов между реальным и фантастическим, которая показана выше. Очевидно, этим же отчасти продиктован и выбор из всего диккенсовского канона именно романов воспитания: в них присутствует собственная, особая сюжетная динамика, которая в значительной степени уравнивает или служит неким противовесом динамике фантастического. Хочу выразить надежду, что автор исследования в дальнейшем покажет работу модели и на материале других романов Диккенса. Начало этому уже положено в первых абзацах каждой главы, где М.И. Крупенина кратко демонстрирует сложность однозначного жанрового определения: перед нами и роман воспитания, и роман-фельетон, иногда и своеобразный протодетектив, психологический роман и т. д.

В первой главе, посвященной «Дэвиду Копперфильду», особое место занимает проблема детского и взрослого понимания одних и тех же событий, которая вновь актуализируется в третьей главе на материале «Больших надежд». Туман — образ, по-разному появляющийся в каждой из глав: это и туман воспоминания в «Дэвиде Копперфильде», и мрачный символ ненадежности и бренности в «Холодном доме», и зыбкости «больших надежд» Пипа. Таких переключек в исследовании много, и все они дают повод для новых рефлексий в дальнейшем. Еще одной потенциальной площадкой для углубления анализа становится проблема «героев-эксцентриков», взламывающих рутинный ход событий — как в положительную (мистер Дик, Уэммик), так и в

отрицательную для главных героев сторону (Крук, Урия Хип), а также и тех, кто сам олицетворяет хаос и зыбкость (Микобер, семейство Покет).

Говоря об особенностях каждой главы, нельзя не упомянуть, что в каждой из них вводится некое новое понятие, которое ретроспективно актуализируется и в предыдущих, если перечитать их в его свете. Если в первой главе это проблема опыта и взросления, то во второй — это мотив «red herring» (в «Дэвиде Копперфильде» это, например, линия доктора Стронга и его жены Энни, романтизация Стирфорта, которая мешает читателю увидеть порочность его натуры), а в третьей — ложные надежды и момент узнавания правды (в «Холодном доме» это, например, планы всех участников тяжбы и нахождение последней версии завещания после гротескной гибели Крука)

Автор диссертационного исследования также избегает соблазна выстроить все эти разные грани фантастического в стройную систему «эволюции творчества» Диккенса. Предложенная модель сильна именно своей нелинейностью, тем, что в ней постоянно актуализируются, но по-разному, схожие образы и сюжетные мотивы.

Разумеется, исследование М.И. Крупениной не свободно от недостатков, которые во многом становятся следствием и продолжением сильных сторон ее диссертации.

1) Работа бы, несомненно, выиграла, если бы автор исследования уделила внимание словам «fancy» и «imagination», а также их лингвистическим производным, на более широком материале. На стр. 28-29 и 143-144 такая работа проделана на материале отдельного романа, но крайне важным было бы узнать, насколько часто и в каком соотношении эти слова встречаются хотя бы в выборке из романов, написанных на разных стадиях его творчества. Если такая работа уже кем-то проделана, можно было бы на нее сослаться, а если нет — на помощь пришла бы онлайн-конкорданция (например, доступная здесь: <http://victorian-studies.net/concordance/dickens/>).

2) Требуемая для анализа мотивов и сюжетов внимательность к деталям иногда приводит к тому, что в работе появляется легкий крен в пересказ сюжетных линий. Его можно было бы сбалансировать отсылками к другим романам, где Диккенс использует похожие образы и мотивы. Так, туман, река, утопление, детективная история о пропаже завещания, ложном обвинении и ряд других элементов можно найти в «Нашем общем друге», особую трактовку «фантазии» («You mustn't fancy!») в ее противопоставлении «факту» - в «Тяжелых временах». Тщательно отобранные параллели с другими текстами Диккенса помогли бы преодолеть некоторую замкнутость глав лишь на одном тексте – тем более, что некоторые фрагменты из писем и других текстов Диккенса в тексте приведены очень удачно.

3) Я полагаю, что продуктивно было бы включить в модель отмечаемую многими исследователями (из российских – прежде всего Д.М. Урновым) и самой М.И. Крупениной «масочность», «театральность» диккенсовских сюжетов и персонажей. Театр – также пространство, где реальное и искусственное соединены многочисленными связями, что создает пространство фантастического. В таком аспекте, контрапунктом краха надежд Пипа может выступать, например, сцена постановки «Гамлета» труппой мистера Уопсла-Вальденгарвера.

В работе также присутствует некоторый процент опечаток, пропусков и стилистических недочетов, например, «воспринимал за благоразумие» (с.90) «если они чем-то другим, а не «Бориобула-Гха»» (с.95), «сравнение с которой он избегал до конца своих дней» (с.115), «встречат» вместо «встречает» (с.146).

Все высказанные замечания по существу носят рекомендательный характер и не означают принципиального несогласия с концепцией и методологией диссертационного исследования.

Автореферат и публикации отражают основные положения работы. Диссертационное исследование Марии Игоревны Крупениной «Эстетика фантастического в романах воспитания Ч. Диккенса», представленное в

диссертационный совет Д 850.007.12 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», полностью соответствует паспорту заявленной специальности и требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук (п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842).

Автор диссертационного исследования М.И. Крупенина заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Европы и Америки).

Официальный оппонент:

Макаров Владимир Сергеевич

кандидат филологических наук

(специальность 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература)),

доцент кафедры романо-германской филологии историко-филологического факультета ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

10 сентября 2021 г.

Контактная информация:

ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Адрес: 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая д. 23Б

Тел.: +7 (495) 114-50-80, +7 (495) 646-71-34

Эл. почта: iff@pstgu.ru, mail@vmakarov.name

С научными публикациями В.С. Макарова можно ознакомиться по адресу:

<http://www.elibrary.ru>

